

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет

**СЛОВО И ФРАЗЕОЛОГИЗМ:
ВЗАИМОСВЯЗЬ МЫШЛЕНИЯ,
ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ**

**СБОРНИК СТАТЕЙ К 90-ЛЕТИЮ
ПРОФЕССОРА А.М. ЧЕПАСОВОЙ**

Челябинск
ЮУрГГПУ
2017

УДК 4Р-3
ББК 81.411.2-33
С 48

Редакционная коллегия

И.А. Голованов, доктор филол. наук, профессор ЮУрГГПУ;
И.Г. Казачук, доктор филол. наук, профессор ЮУрГГПУ;
Е.А. Сивкова, кандидат филол. наук, доцент ЮУрГГПУ

С 48 Слово и фразеологизм: взаимосвязь мышления, языка и культуры : сборник статей к 90-летию профессора А.М. Чепасовой / под ред. И.А. Голованова. – Челябинск : ЮУрГГПУ, 2017. – 172 с.
ISBN

Статьи сборника посвящены актуальным исследованиям фразеологии и лексики и отражают различные аспекты семантики, грамматики, структуры и функционирования языковых единиц в художественном, публицистическом, народно-разговорном дискурсах.

Адресовано специалистам в области лингвистики, литературоведения, когнитологии, культурологии, а также аспирантам, магистрантам, студентам, преподавателям вузов, учителям общеобразовательных учреждений.

УДК 4Р-3
ББК 81.411.2-33
ISBN 978-5-91274-275-0

© ЮУрГГПУ, 2017
© ООО «Энциклопедия», дизайн, 2017

ской школе использовалось в качестве темы сочинения о героизме и мужестве, в том числе о Великой Отечественной войне (*В жизни всегда есть место подвигу!*). Безусловно, большая часть целевой аудитории банка помнит первоисточник и может этически неоднозначно среагировать на подобную языковую игру.

Таким образом, прецедентные конструкции являются очень мощным инструментом для привлечения внимания к рекламному тексту, однако использование подобных текстовых единиц требует от инициаторов рекламной коммуникации большой осторожности. В противном случае в погоне за яркостью и выразительностью можно вызвать у той или иной целевой аудитории нежелательные ассоциации и сформировать негативное отношение к рекламе, а следовательно, к продукту.

Список литературы

1. Бардовых, В.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В.В. Бардовых, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева. – М., 1997.
2. Соколова, О. Прецедентные тексты в газетных заголовках / О. Соколова // Лаборатория рекламы, маркетинга и public relations. – 2007. – № 1 (50). – С. 24–25.

Ж.В. МАРФИНА

(Луганск)

ОТОБРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УКРАИНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье представлены основные составляющие фразео-тематической группы 'родительские отношения', характерной для устной разговорно-бытовой практики. Определены социокультурный, антропный и акциональный субкоды в семантике таких фразеологических единиц. Установлено, что субкоды повседневной культуры родительских отношений закреплены во фразеологических единицах с семей 'генетическая наследственность', 'воспитание', 'сочувствие', 'преданность', 'незаменимость' и др. В системе исследуемой фразео-тематической группы рассмотре-

ны паремии, содержащие устойчивые негативные ассоциации родительских отношений.

Ключевые слова: фразеологическая картина мира, фразеологическая группа, фразеологическая единица, паремия, лингвальный субкод культуры, номинативный центр, номинации родства.

В современной лингвистике возрос интерес к проблемам взаимодействия языка и культуры народа, что обусловлено переходом к антропологической парадигме изучения языка. Исследователи (В. Телия, В. Маслова, Т. Космеда и др.) неоднократно отмечали, что особое место в отображении картины мира, повседневно-бытовой ситуации принадлежит фразеологическим единицам (далее – ФЕ), в частности паремиям.

Украинские паремии, компонентом которых являются номинации родства, неоднократно становились объектом исследований лингвистов (В. Ужченко, Т. Космеда, В. Калько, Т. Осипова, А. Чернова, Н. Щербакова, Ю. Макарец, Д. Добрусинец, О. Величанова, В. Левун, В. Яковлева и др.). Их сопоставительный анализ показал закрепленность в ассоциативно-образном ореоле ментальных представлений украинцев, их стереотипность (И. Осовская, В. Стецюк, В. Кононенко, В. Жайворонок, З. Коцюба, В. Ярмук), отражающую и семантическое, и ситуативное наполнение таких речевых образований.

Несмотря на значительное количество лингвокультурологических и этнолингвистических исследований фразеологизмов с семантическим компонентом «родство», на сегодня образная семантика названий родства, аккумулированных в национальной фразеологии, в повседневно-бытовом общении, остается недостаточно изученной. В частности, отдельного внимания заслуживают субкоды повседневно-бытовой культуры украинцев – антропологические, социокультурные, акциональные, сосредоточенные в ассоциативно-образном содержании ФЕ фразеологической группы ‘родительские отношения’.

Известно, что среди ФЕ выделяют паремии, которые являются неотъемлемым компонентом любой национально-культурной, в частности этнической, картины мира. Они наилучшим образом отражают опыт, накопленный многими поколениями носителей национального языка, отражают «особенности ... народного дви-

жения, национальной психологии, менталитета, стиля определенного общества» [Осовська, 2010: 142]. Национальный паремийный фонд, в котором сконцентрированы представления украинцев о роде, семье, о взаимоотношениях между всеми членами семьи, о культуре родительских отношений, сохраняет и устойчивые синтагматические и парадигматические связи названий родства. Такие паремии являются одной из самых многочисленных групп [Пазяк, 1984: 127]. По определению В. Жайворонка, они «связаны с народными обычаями, преданиями, традициями – явлениями, поддерживающими историческую наследственность, тем самым укрепляющими человеческое сообщество» [Жайворонко, 2007: 16].

Напомним, что в соответствии с украинской культурной традицией главой семьи считался **отец**. Он воспринимался обществом как «объединяющее звено между прошлыми поколениями и будущими, что обеспечивало целостность рода во времени и пространстве» [Чернова, 2013: 171]. Отец является олицетворением жизненного опыта, хранителем семейных традиций. Родительские забота, опека незаменимы в жизни человека. Этот постулат подтверждается в пословицах идентификационными (статусными) и оценочными определениями *свій* (рус. свой), *любенький* (*любленький*) (рус. любименький), *рідний* (рус. родной): *В любленького татка любленька й кроватка; Своя хата – своя стріха, свій батько – своя втіха; У свого батька і рай, і мука*. Отношение потомков к отцу всегда было показателем человеческой порядочности, чести, воспитанности: *Як батька чужими пирогами поминать, то лучше без поминок*.

Среди пословиц с номинативным центром *батько* (*тато, татко*) (рус. отец (папа, папка)) преобладают высказывания с обобщенной этносемантикой. Прежде всего – с социокультурным компонентом. Один из них – ‘генетическая наследственность’. Собственно, в таких паремиях семантико-синтаксическое соотношение имеют названия родства *батько – діти* (*дитина*), *син* (рус. отец – дети (ребенок), сын), например: *Батько рибалка, то й діти у воду дивляться; По татку й дитятко; І мій батько таки мався, і я в його вдався; Від доброго дерева добрий і пагонець, од доброго батька піде і добра дитина; Який батько, такий син: виносили з діжки сир; Який куц, така й хворостина, який батько, така й дитина; Який дуб – такий тин, який батько – такий син*.

Как видим, этот ситуативный признак сходства в основном выражается с помощью характерных этномаркированных названий растительного мира и их частей – побег дерева, ветвь куста, забор из дуба.

Еще один компонент семантики в этой подгруппе ФЕ – ‘воспитание’: *Не той батько, що зродив, а той, що до ума довів; Хто не слухає тата, той послухає ката; Діти батька не учать*. Отдельная подгруппа паремий с отождествляющей семою ‘опора в жизни’ (*Гіркий світ: тато осліп, а діти навпомацьки ходять; Як батька покинеш, то й сам загинеш*); ‘забота’ (*Батько тисячі синів має, кожному мисочку справляє; Скоріше батько вигодує десять дітей, аніж десятеро дітей одного батька*).

Анализ украинских паремий убеждает в том, что пословицы с номинативным центром *батько (тато)* (рус. отец (папа)) имеют антропные компоненты семантики – ‘правдивость’ (*Мій батько не брехав і мені не велів*); ‘трудолюбие’ (*Батько нехай їде орать – його коні знають, а я піду гулять – мене гості чекають*); ‘искренность взаимоотношений в семье’ (*І на рідного батька можна правду казати*).

В разговорно-бытовой культуре ФЕ фразео-тематической группы ‘родственные отношения’ аккумулируют образы, где отец ассоциируется со следующими негативными явлениями в отношениях «родитель – дети»: эгоизм (*Не плач дитя, не плач! Принесе батько калач, медом помаже, тобі покаже, а сам із їсть; Батько збирав ложкою, а діти їли варшикою; Каша наша, батьків борщ*); безразличие к собственным детям (*Рідний батько, та не своїм дітям; Поки батько народився, а син по світі находився*); ненадежность (*На батька надійся, а сам не плошай; Як Бог дасть, батько хату продасть та собаку купить, то й до хати ніхто не приступить*). Понятно, что и образ нерадивого отца также закреплён в ассоциативно-образной, социокультурной структуре фразеологизмов.

В лингвокультурологических исследованиях отмечают, что издавна мать у украинцев почитали, в семье она была равной своему мужу [Кононенко, 2008: 58; Калько, 2013]. ФЕ с номинативным центром *матір (мати, мама, матка)* (рус. мать, мама, matka) отражают парадигму социокультурной семантики, в которой центральными являются две составляющие:

1) ‘биологическое родство’ (*Нема тих яток, де продають рідних маток; Нема того краму, щоб пошити рідну маму; Нема того краму, щоб купити маму; Матері ні купити, не заслужити; Нема такого дружка, як рідна матушка*), то есть реалья «мать» – это данность, родитель (*Одна **мати рождає**, да не один обичай дає; Одна **мати родить**, та не один розум дає; Козака **мати родила**, а мужика – жінка, а чернця – паніматка*);

2) ‘зависимость судьбы ребенка от физического состояния матери’ (*Як **помре матери**, розбігаються діти з хати, батько їх не вдержить; Нема батька – півсироти, **нема матері** – повна сирота; Коли умре дитина, то мала долина, а як **умре мама**, то велика яма; **Живої матері** можна діждатись, а мертвої – ніколи; Тяжко саду без зозулі, **тяжко дочці без матулі; Без матері і сонце не зріє***).

С последним тесно связан семантический компонент ‘материнство’, который разворачивается в ряде субкомпонентов. Пословицы, отражающие идеализированные отношения *мать – ребенок* (*дети, ребенок*), содержат характерные эпитеты (*найкраща, миле*; (рус. лучшая, милое) *мати / дитя*), а также другие оценочные составляющие: *Яка б дитина не була, а для матері вона **найкраща**; Всяке дитя матері **миле**; Матері своїх дітей **жаль**, хоч найменшого, хоч найбільшого; Людям, як болото, а матері, **як золото**; Матері кожної дитини **жаль**, бо котрого пальця не вріж, то все болить*.

Социокультурный компонент семьи ‘материнство’ / ‘отцовство’ этих паремий связан с акциональными: а) ‘сочувствие’ (*У дитини заболить пальчик, а в мамі – серце; Дітки плачуть, а в матері серце болить*); б) ‘заботливость’ (*Як **мати рідненька**, то й сорочка біленька; Мати дітей пушить, а мачуха сушить; Мати з малятами, як ластівка з ластів’ятами; Дякую тобі, мамо, за твою науку, колисала ти мене, колишеш й онуку; На сонці тепло, а коло матері добре; До людей – по розум, до матері – по серце*).

Ряд паремий с центральной номинацией *мати* (*мати, мама*) ориентирован на оценку повседневно-бытовых отношений в семье, выражающих глубинные этнокультурные оценки с антропным компонентом, то есть: ‘советчица’ (*Мама вірна порадиця*); ‘защитница’ (*Мати праведна – опіка й охорона камінна*); ‘терпеливая, добрая женщина’ (*Мене **мати цілий вік** дурила: казала “бити-*

му”, та не була; Рідна мати – брехуха, то мачуха справедлива: як скаже: “Я тобі дам”, то вже дасть; а мати “І щоб тебе, і бодай тебе”, а сама “Ох коли б, Господи, не сталося чогось дитині з моєї дурної речі”).

Для украинцев, как и для представителей других славянских культур, отец и мать играют всеобъемлющую роль в жизни семьи и воспринимаются как единое целое [Венжинович, 2014: 298; Алексеенко, 2005: 422]. Этим и объясняется высокая частотность зафиксированных в паремийном словоупотреблении сочетаний в одном контексте названий *батько/тато* (рус. отец/папа) и *матір/мати/мама/ненька* (рус. мать/мама/мамушка). В таких пословицах, прежде всего, обобщена исключительность родителей, их особое значение в жизни каждого человека, о чем свидетельствуют высказывания с семантикой ‘незаменимость’, ‘преданность’, ‘исключительность’, ‘верность’: *Нема такого краму, аби купив тата й маму; Все купиш, лише тата й маму ні; Три вірні други: батько, мати та вірна дружина*. Впрочем, поскольку паремии являются определенными логическими конструкциями, то такие высказывания, в которых сочетаются названия родства, подчеркивают отношения между объектами действительности, моделируют соотношение между свойствами существ, обозначенных этими названиями.

Акциональные субкоды повседневно-бытовой культуры родительских отношений, взаимоотношений между отцом и матерью закреплены в ФЕ с семьей ‘обучение, воспитание’ (*Тільки батько й мати знають, як їх діти виростають; Що мати навчить, то й батько не перевчить; Не слухав батька-матері, нехай люди учать*), ‘заботливость’, ‘хозяйственность’: *Як не стане, то батько дістане, як не буде, то мати добуде*.

Украинские паремии отражают и другой культурно-дискурсивный опыт бытовой повседневности: хорошие отношения с родителями считались залогом счастья, благополучия, удачи детей: *Шануй батька й неньку, то буде тобі скрізь гладенько; За науку цілуй батька й матір в руку*. Обычно в образах отца и матери как основоположников семьи воплощены лучшие нравственные ценности, которые они воспитывают в своих детях. Вполне естественным является то, что родителями гордятся, однако для украинцев высшим мерилom достоинства является хорошая репутация

в общественном и личном поведении – честь, например: *Батьком-матір'ю не хвались, а хвались своєю честю.*

Отец и мать в украинской семье воспринимались как неделимое целое: *Як помер батько, мама осліпне.*

Украинская фразеология сохраняет традиционное понимание ответственности мужчины и женщины как родителей за воспитание ребенка, осознание того, что с появлением ребенка в семье заканчивается беззаботная жизнь: *Соловей співа, поки дітей нема; До зубів наїсися, а до дітей напсиця.* В некоторых пословицах утверждается мнение о том, что с годами ребенок требует больше родительских усилий и внимания. Этот смысл актуализируют вербальные компоненты *не наешиься, не дають спати, не дають дышати* и подобные: *Мала дитина – вистишся, більша дитина – не наїсися, велика дитина – не уберешся; Малі діти – малий клопіт, а підроснуть буде великий; Більшають діти – більшають і клопотти; Малими були діти, то спати матері не давали, а виросли, то їй дихати не дають.* И все-таки в этническом субкоде сохраняются устойчивые ассоциации ребенка с *кладом, ягодками, плодами*: *Нащо ліпший клад, коли в дітках лад; У кого дітки, у того і ягідки.*

Особую группу паремий составляют повседневно-бытовые коммуникаты с вокативом. Они представляют собой фразеологизированные мини-тексты – советы родителей, обращенные к детям: в определенное время сын или дочь собирались на гуляния, хотели развлечений, приближались к периоду женитьбы или замужества и под. В таком случае родители предостерегали своих детей от необдуманных поступков или соглашались с той или иной линией поведения детей, давая ей оценку: *Гуляй, доню, я ти не бороню; Співай, доню, тоненько у рідної неньки!; Бери собі, синку, хоч свинку, аби тобі мила була; Иди, синку, не гукай, та без мене привикай; Пий, синку, та не похмеляйся.*

Таким образом, рассматриваемый материал свидетельствует, что ФЕ с центральными номинациями родства – знаки этнической повседневно-бытовой культуры, в которой для украинцев семья и семейные отношения, характер родительских отношений определяют социальные нормы. Их маркерами являются стереотипные сочетания (на уровне словосочетаний и мини-текстов фразеологизмов) наименований родства, отражающие антропные, акциональные и социокультурные субкоды. Фразеологизированное

словоупотребище номінацій для означення родства тяготеєт к стереотипізації соціальних оцінок, норм поведіння, їх психологічних вимірювань.

Список літератури

1. Алексеєнко, М.А. Концепт 'мати' в синхронній динаміці мовної картини світу / М.А. Алексеєнко // Грани слова: Збірник наук. трудов к 65-літтю проф. В.М. Мокиєнко. – М.: ЕЛПИС, 2005. – С. 415–422.

2. Венжинович, Н. Вербалізація концептів батько і мати у фраземах української мови (на матеріалі творів Т.Г. Шевченка) / Н. Венжинович // Наук. вісник Ужгородського нац. ун-ту. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – № 1 (31). – С. 298–300.

3. Жайворонок, В. Українська етнолінгвістика: Нариси / В. Жайворонок. – Київ: Довіра, 2007. – 262 с.

4. Калько, В. Вербальна презентація концепту мати в українських прислів'ях [Електронний ресурс] / В. Калько. – URL: file:///C:/Users/Admin/Downloads/Mv_2013_16-17_28.pdf (дата звернення: 02.11.2015).

5. Кононенко, В.І. Українська лінгвокультурологія / В.І. Кононенко. – Київ: Вища школа, 2008. – 327 с.

6. Осовська, І.М. Стереотипи сімейних стосунків у прислів'ях німецької мови / І.М. Осовська // Наук. вісник Волинського нац. ун-ту ім. Лесі Українки. – 2010. – № 7. – С. 141–145.

7. Пазяк, М.М. Українські прислів'я та приказки: Проблеми пареміології та пареміографії / М.М. Пазяк. – Київ: Наук. думка, 1984. – 203 с.

8. Чернова, А.В. Концептуальна статусна дихотомія «Батько – Дитина» / А.В. Чернова // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – № 1. – Т. 26 (65). – С. 169–172.